

## РОССИЙСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

*В.В. СОГРИН***Противоречивые итоги  
президентства В. Путина**

Восьмилетнее президентство В. Путина породило различающиеся оценки в российском обществе, и, надо полагать, эта дискуссия, при сохранении возможностей свободно высказывать разные точки зрения, будет продолжена. Данная статья как раз продолжает дискуссию, поддерживать которую представляется важным уже по той причине, что удлиняющаяся ретроспектива видения итогов президентства Путина будет расширять возможности более объективных и всесторонних его оценок, она более полно выявит скрытые плюсы и минусы деятельности второго российского президента.

Президентству Путина уже посвящено огромное количество статей и книг, и здесь уместно обозначить наиболее важные тенденции, отразившиеся в аналитической литературе. Несомненно, с количественной точки зрения преобладают и доминируют авторы, выставляющие ему не просто позитивные, но апологетические оценки. Лидирующую позицию среди них занимают аналитики, которых их оппоненты [Клямкин, Кутковец, 2006] обобщенно обозначили как "кремлевскую школу политологии". Ее представители – С. Марков, В. Третьяков, А. Мигранян, А. Пушков, А. Ципко, В. Никонов и др. – прочно удерживали и удерживают монополию в качестве публичных политологов в ведущих средствах массовой информации, как в печатных, так и, что особенно важно, в электронных. Они целенаправленно формировали в массовом сознании глубоко позитивный образ второго российского президента.

Выразители позитивных оценок, на мой взгляд, преобладали, пусть и не в таком масштабе, и в отечественном общественном сознании. Одним из наиболее ярких защитников Путина выступил известный историк, в прошлом советский диссидент, Р. Медведев. Автор в высшей степени плодовитый, он посвятил Путину несколько монографий, внеся на сегодняшний день, на мой взгляд, самый весомый вклад в книжную путиниану. При этом Медведев неизменно давал сокрушительный отпор как "правым", так и "левым" критикам Путина. Он обвинял их в "озлобленности и необъективности", утверждал, что их "оценки несправедливы и тенденциозны, а во многих случаях их авторы сознательно и даже злонамеренно искажали реальную действительность", и заключал, что "оспаривать подобного рода заявления бессмысленно" [Медведев, 2005, с. 141, 143, 524].

Замечу, что идея злонамеренного характера критики российских реалий начала XXI в. прозвучала и в оценках однофамильца известного историка, нового российского президента Д. Медведева. Комментируя в интервью иностранным журналистам наиболее частые в устах критиков обвинения о введении фактической политической

цензуры в российских электронных СМИ, Медведев сказал: «Считаю, что у нас абсолютно зрелое, современное телевидение, которое показывает жизнь в России во всем ее многообразии, показывает все те политические персонажи, которые присутствуют на современной политической авансцене, показывает и проблемы, и достижения. В этом смысле проблемы информационной закрытости в России нет сегодня, не было вчера и не будет никогда в будущем. Можете в этом не сомневаться. В каждой стране есть набор политических "лузеров", которые считают, что средства массовой информации несвободны, потому что они не представлены там каждый день. Но это их собственные проблемы, а не проблемы СМИ» (Российская газета, 26 июня 2008).

Если следовать данной логике, то в политические "лузеры" должны быть зачислены практически все лидеры оппозиции – от Г. Зюганова до Г. Явлинского и Б. Немцова, единодушно доказывающих, что одним из главных минусов периода президентства Путина было введение политической цензуры в электронных СМИ. "Лузер" путинской эпохи Немцов, бывший в 1989–1991 гг. одним из лидеров российской "бархатной" революции, а затем губернатором Нижегородской области и вице-премьером российского правительства при Б. Ельцине, разъяснял, что имеется в виду: «Речь идет об установлении цензуры практически во всех политически значимых СМИ – федеральные телеканалы, массовые газеты, наиболее посещаемые порталы в Интернете... захват государством контроля над влиятельными СМИ, ликвидация независимых телеканалов, внедрение позорных "стоп-листов" – списков неугодных власти людей, не имеющих доступа на телевидение, – отняли у граждан возможность получать правдивую информацию о происходящем в стране и мире» [Немцов, Милов, 2008, с. 41].

Немцов зарекомендовал себя одним из наиболее жестких критиков изменений в эпоху Путина в целом. В его критической позиции, включающей множество достоверных фактов, есть, однако, на мой взгляд, и одна уязвимая сторона. Немцов явно рассматривает в качестве позитивной альтернативы путинским преобразованиям те нововведения, которые были осуществлены в бытность его самого вице-премьером и остановлены после прихода к власти Путина [Немцов, Милов, 2008, с. 6–7]. Согласиться с этим трудно, ибо конец 1990-х гг., когда Немцов являлся вице-премьером, на мой взгляд, был неудачным периодом ельцинской эпохи (см. [Согрин, 2001; 2005]). Отмечу также, что политики, близкие к Ельцину и составившие наиболее весомую группу критиков президентства Путина, так или иначе разделяют отмеченный недостаток – идеализацию ельцинского наследия.

Но острые критические суждения и обобщения о путинской эпохе высказывают также политики и аналитики, относящиеся к ельцинскому периоду негативно. И речь идет не только о политиках и аналитиках коммунистической ориентации, как может показаться на первый взгляд, но также о тех, кто стоит на антикоммунистических позициях. Взять хотя бы лидера ЛДПР В. Жириновского. В ельцинскую эпоху он как политик занимал часто конформистскую позицию, но идеологически с Ельциным и его сторонниками серьезно расходился. В путинский период он поддерживал многие нововведения, в том числе строительство "вертикали власти". Но в ходе президентской кампании 2008 г. Жириновский дал, по сути, негативное обобщение итогов путинского правления, ибо их главным бенефициарием оказалась бюрократия, ставшая подлинно правящим классом России: «Однако укрепление государства осуществлялось по "византийским" принципам системы управления – страной пытаются править группы влияния, принимающие стратегические решения кулуарно. Бюрократия пытается создать в России систему, основанную на произволе высших чиновников, за которыми "строятся" бюрократы всех уровней. Беда России еще в том, что в ней никогда не жили в соответствии с законодательными актами... В результате коррупция, казнокрадство стали в России почти образом жизни для отдельных слоев общества. Коррупционеры и бюрократы фактически блокировали или в лучшем случае резко затормозили все "благие начинания" начала XXI в. в России» [Политическая... 2008].

С критических позиций оценивают итоги президентства Путина ряд авторитетных профессиональных исследователей (И. Клямкин, О. Крыштановская, Д. Орешкин,

Д. Фурман, Л. Шевцова и др.). Их позицию вряд ли можно считать широко известной, по крайней мере, о ней в обществе знают гораздо меньше, чем об оценках "кремлевской школы политологии". Последней всячески создают образ единственно научной, а правительственная "Российская газета", щедро предоставляя ее адептам свои страницы, неизменно именует их "ведущими политологами" страны.

В завершение этого краткого представления различающихся подходов в оценке президентства Путина уместно привести его собственные суждения об итогах пребывания у власти: "Я не вижу никаких серьезных неудач. Все поставленные цели достигнуты, задачи выполнены... Мы восстановили территориальную целостность и единство нашего государства. Мы достигли уровня доходов граждан дореформенного периода и превысили его. И – это на самом деле главное – мы восстановили фундаментальные основы российской экономики на абсолютно новой рыночной базе. Мы уверенно превращаемся в одного из экономических лидеров... Сейчас можно твердо сказать: с политическим беспорядком народа покончено... мне не стыдно перед гражданами, которые голосовали за меня дважды, избирая президентом российской Федерации. Все эти восемь лет я пахал, как раб на галерах... я доволен результатами своей работы" (Российская газета, 9 февраля 2008; 15 февраля 2008).

Объективность требует признать, что и большинство российских граждан неизменно оценивали деятельность Путина положительно. И в этом он серьезно отличается от М. Горбачева и Б. Ельцина, которые к концу пребывания у власти практически полностью утратили популярность в народе. И если следовать принципу "глас народа – глас божий", то итоги президентства Путина заслуживают только положительной оценки. Но я, уважая отношение большинства российских граждан к Путину, считаю, что вопрос об итогах его президентства остается открытым и дискуссионным, и предлагаю собственный анализ. При этом меня будут интересовать три главные составляющие этих итогов – экономическая, социальная и политическая.

## Экономика

Экономическая составляющая включает позитивные результаты, которые признают практически все, в том числе и критики. Правда, конкретные расчеты и показатели у разных авторов различаются порой существенно. Я буду стремиться использовать данные как официальной статистики, так и исследователей, для меня наиболее авторитетных. Может быть, наиболее впечатляющим, можно сказать, знаковым показателем позитивных достижений путинской эпохи является сокращение российского внешнего государственного долга. В 1991 г., в момент выхода в отставку Горбачева и краха СССР он составлял около 50 млрд долл. К концу 1990-х гг., то есть к моменту выхода в отставку Ельцина, он превысил 150 млрд долл. Казалось бы, Россия безнадежно погрязла в долгах и вырваться из них невозможно. Но через восемь лет этот долг снизился примерно до 50 млрд долл., то есть были погашены его две трети.

Если в 1998 г. внешний долг составлял 140% ВВП, то через 10 лет он снизился до 3%. Очевидно, прямое отношение к этому имел рост ВВП. Относительно темпов и объема его роста среди специалистов высказывались разные мнения. Расхождения возникали уже по той причине, что по-разному оценивался объем падения ВВП в ельцинскую эпоху: от одной трети до половины. Но как бы то ни было, объем ВВП в 2008 г. если и не полностью сравнялся с 1991 г., то вплотную к нему приблизился. Приведу официальные цифры роста ВВП в 2000-е гг.: 2000 г. – 10%, 2001 г. – 5,1%, 2002 г. – 4,7%, 2003 г. – 7,3%, 2004 г. – 7,2%, 2005 г. – 6,4%, 2006 г. – 6,7%, 2007 г. – 8,1% (Новые известия, 11 октября 2007; Российская газета, 9 февраля 2008). Рост ВВП послужил радикальному увеличению государственного бюджета: его консолидированные доходы выросли с 2000 г. более чем в четыре раза. Расходы также кратно увеличились, но во многом благодаря твердой позиции руководителей экономического блока правительства А. Кудрина и Г. Грефа все эти годы бюджет сводился с профицитом, который постоянно нарастал, составив в 2005 г. 20% консолидированного бюджета [Рос-

сия... 2006, с. 31–32]. Он стал надежной основой выплаты внешнего долга. Шло накопление золотовалютных резервов: в 2008 г. они превысили 500 млрд долл., и Россия по их объему вышла на третье место в мире. Наконец, к знаковым успехам экономики можно отнести нарастание положительного сальдо внешней торговли: в 2005 г. российский экспорт приблизился к 260 млрд долл., почти вдвое превысив импорт [Россия... 2006, с. 34].

Успехи экономики имели прямое отношение к росту благосостояния россиян, но этот вопрос будет подробно рассмотрен ниже, когда будет анализироваться социальная составляющая политического курса Путина. Сейчас же остановлюсь на противоречиях экономической политики. В качестве первоочередного заслуживает рассмотрения вопрос о том, за счет чего и какой ценой достигался экономический рост. Широко распространена точка зрения, что его главной причиной явился стремительный рост, начиная с 2000 г., мировых цен на нефть. Альтернативная точка зрения заключается в том, что рост ВВП начался еще в конце 1990-х гг. как следствие радикальных рыночных реформ ельцинской эпохи. Один из лидеров либеральной экономической школы Е. Ясин утверждает: "Все последние 9 лет после кризиса 1998 г. российская экономика находится на подъеме. Он стал естественным следствием рыночных реформ 1990-х гг. Девальвация рубля в 1998 г. только придала импульс и направила энергию российского бизнеса. Этот подъем продолжался бы и далее, если бы даже не было феноменального роста цен на нефть. Темпы, наверное, были бы ниже, но все же рост был бы здоровым" [Ясин, 2008, с. 163].

Подобный вывод общепринят среди либеральных экономистов, но он пока не подкреплен конкретными расчетами, которые показывали бы, какая доля в экономическом росте 2000-х гг. обусловлена экономической модернизацией, а какая – ростом мировых цен на нефть. Пока же ясно, что от рыночных реформ 1990-х гг. выиграли добывающие отрасли, в первую очередь нефтяная, газовая, а также черная и цветная металлургия. Именно они развивались в 2000-е гг. наиболее успешно, обеспечивая львиную долю роста ВВП. Нефтяная отрасль вследствие десятикратного, начиная с 2000 г., роста мировых цен на нефть стала главным донором национального бюджета, доходы от нефти составляли почти половину от всех экспортных поступлений. Доля России в мировом производстве нефти выросла до 11%, и страна вышла на второе место после Саудовской Аравии. Доля в мировом производстве газа выросла до 25%.

Резонно заключить, что успехи экономики в 2000-е гг. основывались по преимуществу на экстенсивных, а не интенсивных факторах роста. Известный экономист Г. Ханин назвал этот период экономического развития *восстановительным*, а в период *созидания* экономике еще предстоит вступить, но для этого должна использоваться совсем иная стратегия экономического развития, иные подходы, институты и исполнители [Ханин, 2007, с. 84–85]. В российской экономике 2000-х гг. не произошло структурных изменений, подготавливающих ее переход в постиндустриальное состояние. По объему ВВП, что неизменно с гордостью подчеркивало российское руководство, Россия вошла в первую мировую десятку, но в развитии современной экономики ее отставание от передовых стран не только не сократилось, но даже углубилось. Ее экономика упрочила свои позиции в мире почти исключительно в качестве топливно-сырьевого сектора. Объем российского хайтека уступает американскому в 80–120 раз, а его доля в отечественном ВВП по разным оценкам составляет от 0,6 до 1% (Российская газета, 4 сентября 2007).

В развитии технически и организационно сложных отраслей российская экономика не достигла даже дореформенного уровня. Как отмечает Ханин, "не принесли зримого результата многолетние разговоры (и даже определенные шаги) о подъеме отечественного автомобилестроения... такой же неудачей окончились и попытки воссоздать авиационную промышленность, которая в отличие от автомобильной имела немалые достижения в советское время" [Ханин, 2007, с. 87].

Суть фундаментального изъяна экономической политики 2000-х гг., по заключению Ясина, состоит в застое процесса *модернизации*, хотя это понятие и не сходило с

уст российского руководства. В условиях рыночно-капиталистической экономики, которая возникла в России в 1990-е гг., продолжение модернизации означало бы создание и наращивание конкурентоспособности ведущих по меркам постиндустриального общества отраслей, приближение к экономико-производственным стандартам развитых стран, прежде всего тех, которые вместе с Россией входят в "большую восьмерку". Но в этих вопросах Россия не смогла преодолеть застойных явлений, характерных еще для советского периода. Например, по производительности труда Россия как отставала, так и отстает от США в четыре раза. По этому показателю она отстает не только в разы от экономически передовых стран, но также весьма серьезно от Бразилии, Индии, Турции, Мексики, как и от стран Центральной Европы, одновременно с ней перешедших от командно-административной к рыночной экономике. А в рейтинге глобальной конкурентоспособности, выставляемым Всемирным экономическим форумом, Россия с 59 места, которое она занимала в 1998 г., в 2007 г. переместилась только на 58-е. Среди стран БРИК она занимала по этому показателю предпоследнее место, уступая серьезно Китаю, несколько меньше Индии и превосходя только Бразилию [Ясин, 2008, с. 123–125, 97–98].

Застой, а в чем-то и попятные процессы в развитии рыночных начал наблюдались в 2000-е гг. по сравнению с 1990-ми. Соотношение между государственным и частным секторами практически не изменилось, при этом государство резко расширило свое присутствие в рыночной экономике, что усиливало ее государственно-капиталистический характер. Согласно рейтингу Европейского банка реконструкции и развития, Россия на завершающем этапе президентства Путина заняла последнее место среди 29 стран, осуществивших в конце прошлого века переход к рыночной экономике, по уровню ее поддержки государством (Новое время, 12 ноября 2007 г.). Рост частного сектора резко затормозился, но зато в его рамках интенсивно происходил передел собственности в пользу новых лиц, вошедших в политическую власть при Путине. Замечу, что это государственно-чиновничье рейдерство достаточно активно обсуждалось и осуждалось в узкой среде сохранивших критический настрой средств массовой информации, но практически не исследовалось профессиональными учеными, занявшими более чем робкую позицию в анализе чрезвычайно актуальной проблемы для общества.

## Социум

Обратимся к социальной составляющей итогов президентства Путина. Сам он говорил о них с гордостью: в 2007 г. реальные доходы граждан по отношению к 1999 г. выросли в 2,5 раза, уровень бедности сократился с одной трети до 15% (Российская газета, 8 февраля 2008). Рассмотрим эти два показателя. Что касается роста доходов, то здесь цифры статистики действительно выглядят впечатляюще. Среднемесячная численная заработная плата выросла в России в 2000–2007 гг. с 2223 до 13 527 руб. Инфляция, составлявшая в среднем около 14% в год, подтачивала рост денежных доходов, но тем не менее реально они увеличились за восемь лет в 2,5 раза. В долларах США средняя зарплата в этот период выросла с 79 до 541 (курс доллара в 2000–2007 гг. снизился на одну четверть) [Россия... 2006, с. 113] (Российская газета, 14 марта 2008). В 2008 г. средняя заработная плата по ее покупательной способности, наконец-то, сравнялась со средней зарплатой 1991 г. Но в 1991 г. при пустых прилавках на нее нечего было купить, а в 2008 г. российские прилавки ничем не отличались от западных, и обладатель средней зарплаты уже размышлял над тем, какие потребности прежде всего удовлетворить.

Ситуация с бедностью выглядит более противоречиво. Согласно официальным данным количество бедных снизилось за 8 лет с 40% до 15%. Но эти цифры вызывают серьезные возражения со стороны квалифицированных независимых специалистов. Например, Е. Гонтмахер отмечает, что российская статистика относит к числу бедных только работающих людей, в то время как в развитых странах в их число включают

как работающих, так и неработающих. По его оценкам, к категории бедных должны быть отнесены большинство из 37 млн пенсионеров, 15 млн бюджетников, рядовые военнослужащие, многие работники сельского хозяйства. В этом случае процент бедняков возрастет до 30 – цифра, сопоставимая с 2000 г. (Новое время, 7 апреля 2008). Отмечу, что наиболее обездоленная и наименее социально защищенная категория бедных – именно пенсионеры. В 2000-е гг. их положение по сравнению с работающими продолжало ухудшаться. Если в 2000 г. средний размер назначенных месячных пенсий составлял 31,2% от средней начисленной зарплаты, то в 2006 г. – только 25,8% (в большинстве европейских стран этот процент колеблется от 60 до 70). В 2005 г. из-за нехватки денег 18% пожилых людей не смогли лечь в больницу, 38% не смогли купить себе необходимые лекарства. Количество болеющих среди пожилых россиян было в 5–6 раз выше, чем в странах Европейского союза.

Директор Всероссийского центра уровня жизни В. Бобков отметил, что официальный прожиточный минимум, учитываемый статистикой при определении числа бедных, явно занижен, кроме того, в бедняки должны быть зачислены не только люди с низкими доходами, но и те, кто живут в плохих жилищных условиях и не имеют никаких шансов их улучшить из-за отсутствия необходимых средств. В этом случае число бедных вырастает до 50 млн человек, то есть до 42% населения (Российская газета, 9 февраля 2007).

Приведу, наконец, суждения директора Института социально-экономических проблем народонаселения РАН А. Шевякова. Он отмечал, что в современных развитых странах при характеристике социальных взаимоотношений и социальной напряженности в обществе учитывается не только абсолютная бедность, как это делается в России, но и относительная. В Европе в категорию относительно бедных попадают люди с достатком ниже 60% от среднего душевого в стране. Западные ученые установили, что относительно бедным присущи чувства подавленности, отчуждения, пассивного отношения к жизни, в их семьях уменьшается рождаемость, рост относительной бедности имеет отношение к снижению темпов экономического роста. В Европе считается также, что бедность является "нормальной", социально не опасной, если разрыв между 10% самых богатых и 10% наименее обеспеченных не превышает 7–9 раз (Российская газета, 28 ноября 2007). В России в 2000-е гг. этот разрыв достиг 16 раз, а численность относительно бедных, если воспользоваться европейским критерием, составила 70% населения, ибо именно такое количество россиян в 2007 г. имели доходы ниже 60% от среднедушевого дохода.

Диспропорции в распределении национального дохода между богатыми и бедными слоями населения не только не уменьшились, но даже увеличились. Эта латиноамериканская модель распределения национального дохода может быть проиллюстрирована многими примерами. Шевяков показал, что на 100 руб. прироста ВВП в расчете на душу населения у бедных доход увеличивался на 5 руб., а у богатых на 200 руб. (Российская газета, 28 ноября 2007). Контрасты в положении трех экономических классов, сложившихся в 1990-е гг. (верхний, средний и нижний), продолжали усиливаться. Еще во второй половине 1990-х гг. возникла узкая прослойка сверхбогатых людей – долларовых миллиардеров и миллионеров. Первые списки российских долларовых миллиардеров, появившиеся в западных источниках в 1997–1998 гг., включали не более пяти человек. Спустя пять лет в стране было 17 миллиардеров, в 2005 г. – 44, а в последний год пребывания Путина у власти их количество достигло уже 100. Общее их состояние равняется доходам консолидированного государственного бюджета России и одной трети национального ВВП. По количеству долларовых миллиардеров Россия, по среднедушевому доходу уступающая не только развитым индустриальным странам, но и многим развивающимся, вышла на второе место в мире после США, а Москва по числу проживающих в ней миллиардеров заняла второе место после Нью-Йорка. Количество долларовых миллионеров в стране в 2005 г. приблизилось к 90 тыс. человек (пятое место в мире). Если в ряды миллиардеров входили только предприниматели, по преимуществу представители топливно-энергетических отраслей, то среди миллионе-

ров наряду с бизнесменами есть и представители государственной власти, массовой культуры, известные спортсмены, лидеры криминальных структур.

По уровню жизни российские богачи не уступают, а то и превосходят верхний класс развитых индустриальных стран. Российские нувориши вышли на лидирующие позиции по скупке недвижимости в европейских столицах и самых богатых мировых курортах, по престижным приобретениям на международных аукционах. В самой России они создали отдельные анклавы проживания, выстроив в течение нескольких лет особняки и инфраструктуру, которые в сравнении с домами и условиями существования "старых русских" представляют вызывающую демонстрацию богатства нового русского капитализма. Латиноамериканизация российского социума углубляет чувства разочарования и пассивности у массы россиян, в ментальности которых прочно сохраняется представление о социальной справедливости, сформировавшееся в советский период, особенно у тех, кто прожили тогда основную часть жизни, и помнят, что неравенство в те времена не превышало 2–4 раз. Не случайно по опросам ВЦИОМ около 40% россиян стыдятся того, что Россия занимает второе место в мире по количеству долларовых миллиардеров (гордятся только 7%), остальные испытывают зависть, а по большей части растерянность перед этим феноменом.

Неприятие 60% россиян латиноамериканского варианта неравенства, укоренившегося в России, представляет, как минимум, главную латентную угрозу острого социального конфликта [Рывкина, 2006]. Но, судя по реальному отношению к этой модели российской власти, она ее устраивает. Возможно, по той причине, что представители властной элиты сами прочно обосновались среди "новых русских". Контролируемые властью электронные СМИ не только равнодушны к этому вопиющему неравенству, а напротив, любят образ жизни владельцев новых богатств (в первую очередь, представителей массовой культуры – от эстрадных звезд до футболистов и теннисистов). Власть широко использует и пропагандистские мифы, камуфлирующие углубление экономических контрастов, в частности утверждение о резком росте в путинский период российского среднего класса. Как комментировал сотворение этого мифа А. Галкин, "у нового режима должна появиться своя социальная опора – средний класс. Если его нет, то его следует создать, а если не получается – то, в крайнем случае, придумать" [Галкин, 2004, с. 88].

К созданию этого мифа привлекаются видные представители академического мира. Один из них в правительственной "Российской газете" утверждает, что "объем среднего класса за последнее десятилетие увеличился с 9,4 до 22%" и "плюс еще 13–15% так называемой периферии этого класса" (Российская газета, 1 февраля 2008). Если судить по статистической таблице, приведенной в подтверждение этого вывода, в средний класс попали все россияне с доходом в 2006 г. выше 6 тыс. руб. (чуть более 200 долл.) в месяц. Но даже корреспондент газеты с подобными критериями и оценками не согласился: "Но что такое, к примеру, российский средний класс? К нему у нас причисляют тех, чья зарплата выше средней. Средняя зарплата сейчас – 11,5 тыс. руб. (речь шла о начале 2008 г. – В.С.). Значит, человек, зарабатывающий 12 тыс. в месяц – представитель среднего класса? Смешно" (Российская газета, 8 февраля 2008).

Действительно, по западным меркам зачисление в средний класс людей, имеющих доход менее 500 долл. в месяц, смешно: такие люди там зачисляются прочно в нижние страты бедняков. Но, может быть, у россиян расходы гораздо ниже, чем в западных странах, и россияне с доходом в 500 долл. могут позволить себе уровень жизни, который на Западе доступен людям с месячной зарплатой выше 5 тыс. долл.? Отнюдь нет. Цены на питание, одежду, транспорт, жилье в России, если и не сравнялись в полной мере, то вплотную приблизились к западным (а Москва по стоимости жизни превосходит практически все западные столицы), так что честные исследования о российском среднем классе не могут абстрагироваться от западных критериев. По западным же критериям в средний класс попадают только "белые воротнички", относящиеся или к не крупным предпринимателям ("старый средний класс"), или к профессионалам и специалистам с высшим образованием и высокой квалификацией (юристы, профессора,

журналисты, компьютерщики, госслужащие, врачи, менеджеры среднего звена – "новый средний класс"). Кроме отмеченных статусных характеристик, они также должны иметь доход не ниже 5 тыс. долл. в месяц, обеспечивающий им качественное питание, лечение, образование, досуг. Кроме этого, они должны владеть собственным жильем, причем не двухкомнатной квартирой, а отдельным домом или, в крайнем случае, комфортной квартирой не менее 120 м<sup>2</sup> на семью из двух–трех человек. Некоторые исследователи также добавляют, что представители среднего класса должны обладать гражданским самосознанием и демократической политической культурой (в российских условиях представители такого среднего класса должны были голосовать за Яблоко или СПС, которые, как мы знаем, вместе пользуются поддержкой не более 3–4 млн граждан).

Даже если исключить критерий гражданского самосознания и демократической политической культуры, число представителей среднего класса в России вряд ли превысит 10–15 млн, то есть 7–10%. Откуда же правительственные идеологи и поддерживающие их ученые берут цифру в 20% и более? В ответе я соглашаюсь с Р. Симоняном [Симонян, 2008], отмечающим, что критерии среднего класса в России крайне размыты и в значительной мере по этой причине в массовом сознании средний класс подменен средним потребительским слоем, то есть теми, кто по российским меркам, живут "средне", даже едва сводя концы с концами. Только этим можно объяснить, что в социологических опросах в средний класс себя зачисляют люди, ютящиеся в убогих одно–двухкомнатных квартирах и имеющие зарплату в 200 долл.

Если численность среднего класса в 2000-е гг. и увеличивалась, то главным источником его пополнения являлось чиновничество. По данным "Российской газеты", в СССР на 300 млн жителей приходилось 400 тыс. госслужащих, а в современной России на население, почти вдвое меньшее, приходится 2 млн чиновников (Российская газета, 11 ноября 2005). Зарплата и пенсии чиновников в среднем в 3–5 раз выше, чем у других бюджетников (Российская газета, 21 декабря 2007). У них много всевозможных льгот, например госслужащим дают единовременную субсидию на покупку жилья, то есть фактически бесплатно предоставляют квартиру в собственность (для остальных граждан это "советское право" ликвидировано). Особенно преуспел в повышении своего уровня верхний слой "слуг народа". Так, депутаты Государственной думы, воспользовавшись правом определять самим себе номинальные оклады из госбюджета, установили их на уровне, превышающем среднюю зарплату россиянина в 12 раз (а назначенные ими самим себе пенсии превысили их средний российский размер более чем в 20 раз). Их примеру последовали депутаты региональных законодательных органов.

В начале 2008 г. "Российская газета" зафиксировала в провинции тенденцию "перетекания" владельцев среднего и мелкого бизнеса, как и менеджеров, на госслужбу, а особенно в представительные органы власти, поскольку это и дает дополнительные гарантии связанному с ним бизнесу. Так, депутаты Мурманской областной Думы, установившей для своих членов ежемесячный оклад в 110 тыс. руб. (около 5 тыс. долл.) и много льгот, на 80% состояла из вчерашних бизнесменов (Российская газета, 20 февраля 2008). Не случайно в 2000-е гг. госслужба стала в высшей степени привлекательной для молодежи: согласно социологическим опросам, 50% опрошенных молодых людей при выборе предпочтительных профессии склонялись в ее пользу.

Госслужащие составляют ту часть российского среднего класса, который действительно достиг его европейских материальных стандартов. Но можно ли считать их подлинной опорой, "солью" среднего класса? Вряд ли. Как справедливо высказывался в размышлениях о среднем классе корреспондент "Российской газеты", "представители среднего класса – это люди, самостоятельно решающие свои бытовые и социальные проблемы и тем самым снимающие нагрузку с государства" (Российская газета, 8 февраля 2008). Российское чиновничество по сути представляет собой привилегированную касту, использующую государственные должности для создания и увековечения своего материального благополучия. Основным средством достижения этого бла-

гополучия стала коррупция, масштабы которой приобрели такие размеры, что даже высшее руководство государства признает ее главной угрозой для национальной безопасности.

Врачи, учителя, профессора, работники культуры, инженеры, составляющие основу "нового среднего класса" в западных странах, в российских условиях 2000-х гг. не имели никаких шансов в материальном и статусном отношении встать вровень с чиновничеством или даже приблизиться к нему. Нарастание материального неравенства между чиновничеством и всеми остальными группами "умственного труда" способствовало еще большему углублению экономического неравенства в 2000-е гг. Материальное неравенство в период президентства Путина углублялось не только среди российских "белых воротничков", но также среди промышленного пролетариата – "синих воротничков". Здесь на ведущую позицию выдвинулись работники топливной промышленности и цветной металлургии, заработная плата которых оказалась в 2,5 раза выше, чем в строительстве, в три раза выше, чем в машиностроении и металлообработке, в шесть раз больше, чем в легкой промышленности [Меньшиков, 2004, с. 269]. Обозначенные тенденции определили своеобразие структуры экономического неравенства в современной России. Если в западных странах в верхний экономический квинтиль (20%) населения входят предприниматели и наиболее квалифицированные представители разных групп "белых воротничков", то в России в него вошли бизнесмены, чиновничество и "синие воротнички" из топливно-сырьевого сектора промышленности. Согласно официальной статистике, доля верхнего квинтиля россиян в общем объеме денежных доходов в стране увеличилась в 1993–2005 гг. с 38,3% до 46,4%, в то время как доля остальных 80% снизилась с 61,7% до 53,6% [Россия... 2006, с. 114].

Можно ли было смягчить эти экономические контрасты? По меркам стран западного капитализма такие возможности имелись. В связи с этим представляют интерес сравнительные характеристики, приводимые в монографии отечественного экономиста С. Меньшикова. Согласно им, рентабельность в современной российской промышленности намного выше, чем в США. Например, в российской нефтедобывающей промышленности она составляла в начале 2000-х гг. 66,7%, в цветной металлургии – 51,6%, в черной – 25,6%, в машиностроении и металлообработке – 14,1%, в пищевой – 10,1%. В США средняя рентабельность в добывающей промышленности в 1990-х гг. колебалась между 2,5% и 7,85%. И тем не менее американская промышленность развивалась гораздо успешнее, а рабочие в США получали гораздо большие зарплаты. Главная причина таких заработков американских рабочих – более высокая, в 1,5 раза (59–60% против 43–45% в современной России), доля оплаты труда в ВВП [Меньшиков, 2004, с. 13, 44].

Почему американские рабочие имеют в совокупной прибыли гораздо большую долю, чем российские? Причина заключается в том, что американцы начиная с 1930-х гг. сумели отвоевать эту долю в ходе упорных забастовок; государство при Ф. Рузвельте поддерживало эти забастовки, а затем считало необходимым в интересах общественного блага в целом и гражданского мира сохранять и упрочивать достигнутый трудящимися уровень жизни. В эпоху президентства Путина мы не наблюдали ничего подобного. Рабочие и профсоюзы были необычайно пассивны, не предпринимали никаких реальных усилий, чтобы перераспределить доходы предприятий в свою пользу. Они не получали никакой поддержки со стороны государства. Рабочее движение, сыгравшее большую роль в ликвидации советского социалистического строя, погрузилось в состояние апатии, практически исчезло. Профсоюзы превратились в придаток режима и отказались от какого-либо сопротивления и частному, и государственному капитализму. Трудящиеся оказались в полной зависимости от хозяев. Шахтеры, этот авангард рабочих в борьбе с КПСС в горбачевскую эпоху, теперь беспомощно и бессловесно взирают на регулярно повторяющиеся трагические случаи гибели в забоях сотен своих товарищей.

Шевяков, сравнивая позицию современного российского и американского государства по отношению к экономическим контрастам, замечает: "...в США государственное регулирование увеличивает доходы бедных почти в 5 раз и снижает первоначальный показатель неравенства доходов в 4,5 раза! А у нас этот механизм снижает неравенство только на 20–25%. Так какое же государство более социально?". Важно его замечание об экономических и демографических следствиях борьбы общества с неравенством: "Оценки показывают, что при нормальном неравенстве Россия уже сегодня имела бы ВВП почти на 35–50% больше нынешнего, а население к 2050 г. может составить около 160 млн человек. Если же сохранится нынешнее избыточное неравенство, то число жителей сократится в лучшем случае до 124 млн" (Российская газета, 28 ноября 2007).

Массовая бедность, снижение уровня медицинского обслуживания, затруднение доступа к качественной медицине, и как результат, рост уровня заболеваний привели к снижению продолжительности жизни и численности населения России. Озабоченность этой проблемой высказывали представители разных социальных и политических групп, а А. Солженицын предложил считать главной национальной идеей, целью государственной политики "сбережение народа". Это предложение было подхвачено партией Единая Россия, ставшей в 2000-е гг. правящей в России. В 2005 г. Президент РФ предложил национальные проекты, направленные на улучшение образования и медицинского обслуживания, жилищных условий, демографической ситуации. В последующем правительственные СМИ предприняли огромные усилия для того, чтобы доказать их эффективность.

Тема эффективности национальных проектов заслуживает специального рассмотрения, пока об их долговременном значении судить затруднительно. Но их первые результаты порождают скептическое отношение, которое было суммировано Б. Немцовым и В. Миловым: "Сами по себе национальные проекты бесполезны. Хорошо, что власть хоть что-то дает на развитие медицины, образования, жилищной сферы, сельского хозяйства. Но в сравнении с реальными возможностями государства эти поддачи – жалкие крохи. В 2006 г. на реализацию всех нацпроектов было выделено всего 6 млрд долл., в 2007 10 млрд, на 2008 запланировано 12 млрд... Несмотря на шумиху вокруг нацпроектов, доля расходов бюджета на здравоохранение, образование, социальную сферу в последние годы снизилась. Если в 2007 г. на здравоохранение и образование предполагалось направить 9% от всех расходов федерального бюджета, то в 2008, согласно принятому трехлетнему бюджету на 2008–2010 гг., – 8%, а в 2009 г. – всего 7,5%. Зато к 2009 г. до 16% от общих расходов бюджета должны возрасти затраты на государственное управление и обеспечение безопасности. При Путине наблюдался взрывной рост трат на чиновников и спецслужбы: в 2000 г. эти расходы составляли менее 4 млрд долл., а в 2008 г. они составят 39 млрд долл. – втрое больше расходов на все нацпроекты вместе взятые! [Немцов, Милов, 2008, с. 45].

Е. Гонтмахер отметил фундаментальный управленческий изъян нацпроектов: "Выбранная в качестве первоначальной формы управленческого решения – национальный проект – так и не была обличена в эффективную форму, которой потенциально является, например, федеральная целевая программа (ФЦП). Тем самым была нарушена классическая цепочка управления, ориентированного на достижение конечного результата: целеполагание → соотнесение с имеющимися ресурсами → выстраивание этапов достижения целей и распределение под них имеющихся ресурсов → создание системы мониторинга и контроля → накопление сигналов обратной связи → корректировка (при необходимости) этапов движения к цели или (при неблагоприятном варианте) первоначальной цели. Отсутствие комплексной управленческой формы привело к разрозненности конкретных мероприятий, многие из которых давно назрели, но реализуемые вне единого замысла зачастую не давали (не дают) ожидаемого положительного эффекта" [Гонтмахер, 2008, с. 133].

Приведу также оценку современного состояния социальной защищенности россиян Председателя Конституционного суда РФ В. Зорькина, которого невозможно заподо-

зреть в нелояльности к власти: "Хотя формально Конституция Российской Федерации провозглашает Россию социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие личности, однако ни для кого не секрет, что такое состояние дел в нашей стране – пока всего лишь конституционный идеал. Исследователи оценивают сегодняшнее состояние России как формального социального государства на уровне первой половины 20-х гг. XX в." [Зорькин, 2007].

### **Власть**

Обратимся к политической составляющей итогов президентства Путина. Среди политических аналитиков существует практически единое мнение о том, что, когда Путин осенью 1999 г. стал премьер-министром, российская власть находилась в острокризисном состоянии. Рейтинг президента Ельцина опустился до самого низкого уровня, в регионах утвердилась феодальная вольница местных губернаторов, на федеральном уровне обозначился отчетливый раскол элит. Тогдашняя партия власти – Наш дом Россия – полностью утратила влияние среди избирателей, действия ельцинской "семьи", направляемой олигархом Б. Березовским, стали притчей во языцех среди широких кругов общественности, правящий режим оказался на краю пропасти. В этой ситуации часть российской политической элиты во главе с "тяжеловесами" Ю. Лужковым, Е. Примаковым, М. Шаймиевым образовала оппозиционное политическое объединение Отечество–Вся Россия (ОВР), попытавшееся, воспользовавшись кризисной ситуацией, отстранить прежний режим от власти и взять ее в собственные руки. Политтехнологи и дирижеры "семьи" вступили с ним в ожесточенную схватку, мобилизовав для этого разнообразные средства.

Среди спасателей режима главными были назначены новый премьер-министр Путин и новая кремлевская партия Единство, во главе которой был поставлен министр по чрезвычайным ситуациям С. Шойгу, теперь призванный спасти Россию не от природной, а от общественно-политической катастрофы. Здесь нет необходимости излагать общественно-политические перипетии осени–зимы 1999 г., главными из которых стали вторая чеченская война, принесшая победу федеральному центру и личный триумф премьеру Путину, и выборы в Государственную думу, в ходе которых Единство сумело переломить соотношение сил в свою пользу, повергнуть ОВР. Поверженная ОВР тут же сдалась на милость победителя, и вскоре они уже цементировали совместную новую партию власти – Единая Россия. Морально и физически немощный президент Ельцин 31 декабря досрочно сдал полномочия Путину, в марте следующего года тот одержал уверенную победу на президентских выборах под многозначительным политическим лозунгом: «"Земля наша богата, порядка только нет", – говорили в России. Больше так о нас говорить не будут» (Известия, 25 февраля 2000).

Очень быстро обнаружилось, что Путин не удовлетворится уготованной ему Ельциным ролью преемника и будет вносить серьезные коррективы в конструкцию политического режима. Произошла ли в результате смена режима? – вопрос важен уже по той причине, что среди политических аналитиков обозначились две взаимоисключающие точки зрения. Одна из них, которую активно поддерживают сторонники политического наследия 1990-х, состоит в том, что в ельцинскую эпоху успешно осуществлялся транзит в направлении политической демократии, а в 2000-е гг. он был прерван и сокрушен. Другая точка зрения состоит в том, что Путин только упрочил и достроил авторитарную модель, пестовавшуюся Ельциным. По моему заключению, между режимами Ельцина и Путина существуют как преемственность, так и отличия. Режим Ельцина отличался все более упрочивавшейся авторитарностью, во второй срок его президентства в ходе избирательных кампаний все более активно использовался административный ресурс, отстраивалась вертикаль исполнительной власти [Первый... 2000; Второй... 2002]. В 2000-е гг. эта модель была воспринята новым президентом, но была и серьезно видоизменена. Каковы были эти изменения, насколько они были

оправданы и обусловлены, как соотносятся с демократией, осталось ли от последней что-либо в современной России? – вот, на мой взгляд, вопросы, главные в дискуссиях о содержании политических реформ 2000-х гг.

Приведу различающиеся точки зрения. Вначале – оценки самого Путина. На протяжении всего своего президентства он неизменно объявлял себя приверженцем основополагающих демократических институтов – многопартийности, свободных выборов, свободы СМИ, политического плюрализма во всех его проявлениях. Когда приходилось отчитываться, Путин доказывал, что все эти институты находятся в "добром здравии" и успешно развиваются. В своем последнем ежегодном Послании Федеральному собранию РФ в апреле 2007 г. он говорил: "За четыре года количество зарегистрированных в России печатных средств массовой информации выросло на 40%, электронных – почти в 2,5 раза. Но бесспорным лидером роста является, конечно, Интернет. Его постоянная российская аудитория увеличилась за это время более чем в 4 раза и превысила 25 млн человек". Согласно президенту, демократия упрочилась и благодаря замене смешанной системы выборов пропорциональной, и вследствие отмены минимального порога явки избирателей: "Как показывает практика, в условиях пропорциональной системы у оппозиции появляется возможность расширить свое представительство в законодательных органах власти. И я легко могу доказать это на примерах, точнее на статистике. За три года применения этой системы на региональном уровне количество партийных фракций в местных парламентах увеличилось почти в четыре раза. И сегодня они объединяют 2/3 регионального депутатского корпуса. Добавлю, что при отмене минимального порога явки избирателей (о чем, помнится, мы много спорили) политическая активность не снизилась, а была даже выше, чем в предыдущих избирательных кампаниях. Убежден, новый порядок выборов не только усилит влияние партий на формирование демократической власти, но и будет способствовать росту конкуренции между ними. А следовательно, будет укреплять и улучшать качество российской политической системы" (Российская газета, 27 апреля 2007).

Политологи "кремлевской школы" в большинстве поддерживали такие оценки, настаивая, что демократические завоевания конца 1980-х – начала 1990-х гг. не только сохранились в 2000-е гг. в полной мере, но и упрочились. Вот категорическое утверждение одного из них, В. Никонова: "Стратегия Путина не авторитаризм и не анархия, а функционирующая эффективная демократия при неизменной российской Конституции" [Никонов, 2004].

Другая точка зрения "кремлевских политологов" заключается в том, что хотя президентские меры и ограничивали демократию, но это – необходимая реакция на ее российские эксцессы. Их развернутая аргументация основывалась на том, что в условиях отсутствия зрелого гражданского общества, должной политической культуры, правовых норм и процедур демократия в России привела к приватизации власти такими группами, как бизнесмены и чиновничество, которые стали беззастенчиво пользоваться ею в целях обогащения и государственного произвола, игнорируя и попирая интересы большинства. Демократическая Россия коррумпировалась в гораздо больших масштабах, нежели авторитарный СССР. Альтернативой такой системе могла стать только "управляемая демократия", при которой глава государства регулирует ее содержание в интересах общества в целом [Третьяков, 2000; 2003].

Еще одна концепция "кремлевской школы" заключается в противопоставлении западной демократии собственной – *суверенной* (авторство термина чаще всего приписывается В. Суркову). Именно она значится сегодня на идеологическом знамени правящей партии Единая Россия. Защитники суверенной демократии противопоставляют ее универсальной демократии по ряду причин, а одну из главных спикер Государственной думы Б. Грызлов обозначил так: "...за пылкими словами о едином демократическом пути часто стоят вполне материальные интересы и желание навязать другим заведомо противоречащую их национальным интересам политику" [Грызлов, 2007].

Основывающаяся на подобной аргументации концепция суверенной демократии имеет тенденцию разрыва с западным либерально-демократическим наследием (кото-

рое признается в политической мысли классическим и универсальным). При этом адепты суверенной демократии не отказывают ей самой в возможности распространяться за российские границы, главным образом в восточно-азиатском направлении. Близкий к Кремлю политолог Мигранян с огромным удовлетворением отметил, что "именно по поводу суверенной демократии" достигнуто "полное единодушие" на недавней конференции российских и китайских ученых и политиков и что "китайская партийно-политическая система может обрести те черты, которые уже сегодня характеризуют российскую партийно-политическую систему" [Мигранян, 2007].

Политологи критического направления определяют политический режим, оформившийся при Путине, как "моноцентрический" [Зудин, 2003], "управляемый плюрализм" [Балзер, 2004], "бюрократически-авторитарный" [Шевцова, 2004], "персоналистский" [Краснов, 2006], "патрональное президентство" [Хейл, 2008]. Все они считают, что определение *демократический* к нему неприменимо. Я полагаю, что эволюция российской политической системы в 2000-е гг. носит противоречивый характер и при этом важной ее составляющей стали ослабление, а то и утрата демократических черт, сложившихся в первой половине 1990-х гг. и сохранявшихся во второй половине. Ниже дается обоснование данного положения.

Эволюция политического режима Путина прошла два этапа, и их целесообразно рассматривать отдельно, поскольку реформы, а точнее контрреформы, серьезно ослабившие демократию, были осуществлены, главным образом, начиная с осени 2004 г., то есть на втором этапе. Принимая это во внимание, я все-таки рассмотрю сквозные тенденции-линии двух периодов, не разрывая их, а показывая преемственность.

Первая такая сквозная линия заключалась в ослаблении власти региональных лидеров, подчинении их Центру и президенту. В основе ее первоначально лежал позитивный мотив: в прежний период власть региональных лидеров чрезмерно усилилась, они становились авторитарными князьками, навязывали в своих вотчинах законы и нормы, противоречившие федеральным, в том числе и в первую очередь демократическим правовым установлениям [Политические... 1998; Россия регионов, 2000]. Региональная вольница реально угрожала единству России. Для ее укрощения был принят целый ряд мер.

Первая реформа (одобрена в 2000 г.) создавала семь федеральных округов, выступавших промежуточными и одновременно связующими звеньями между Центром и регионами России. Федеральные округа – Центральный, Северо-Западный, Северо-Кавказский, Приволжский, Уральский, Сибирский, Дальневосточный – по своим границам совпадали с военными округами. То, что пятеро из семи полномочных представителей президента в федеральных округах оказались людьми в генеральских погонах, еще более подчеркивало серьезность намерения укротить "феодальную вольницу" в регионах, привести действия и постановления их властей в соответствие с общефедеральными законодательством и политикой. В борьбе за реальную власть между губернаторами и полпредами, которых также стали именовать "генерал-губернаторами", чаша весов все чаще склонялась в пользу последних. Через год после создания федеральных округов и института полпредов Президент России выразил удовлетворение реформой, а в последующем неизменно подчеркивал, что она стала главным механизмом приведения законодательных актов регионов в соответствие с федеральной Конституцией.

Вторая политическая реформа 2000 г. – реорганизация Совета Федерации, верхней палаты Федерального собрания, также серьезно ущемила статус региональных лидеров. Губернаторы и председатели региональных законодательных собраний, являвшиеся по статусу и членами верхней палаты ("сенаторами"), согласно реформе расстались с местами в Совете Федерации. Вместо них "сенаторами" стали рядовые назначенцы региональных исполнительных и законодательных органов. В результате уменьшились как возможности влияния региональных лидеров на центральную власть, так и политический вес самих регионов. Региональные лидеры поначалу оказали сопротивление реформе, но в июле 2000 г. должны были уступить объединен-

ным усилиям президента и Государственной думы, которая не упустила шанса принизить роль "сената" – своего законодательного соперника.

Чтобы подсластить горькую пилюлю, "прописанную" региональным губернаторам, президент создал для них Государственный совет – совещательный орган, призванный давать стратегические рекомендации для разработки новой законодательной базы. Как и Государственный совет, созданный некогда Александром I, он стал не противовесом главе государства, а придатком к нему. Уже через несколько месяцев после реорганизации Совета Федерации и создания Госсовета наблюдатели констатировали, что губернаторы, даже наиболее строптивые, стали "выстраиваться" под президента, а новый Совет Федерации начал утрачивать признаки самостоятельности, которые он демонстрировал при Ельцине (яркий пример – решительный отказ сенаторов освободить от должности в 1999 г. не угодного Ельцину и "семье" Генерального прокурора Ю. Скуратова). Совет Федерации быстро трансформировался в пропрезидентский орган.

На протяжении всего первого президентского срока Путина Центр активно вмешивался в выборы губернаторов. Выборы, введенные в середине 1990-х гг., с самого начала дали широкие возможности для вхождения в высшую региональную власть лицам, не угодным Центру. Почти половина избранных губернаторов второй половины 1990-х гг. представляли оппозицию [Голосов, 2008, с. 23]. Путин и его окружение решили покончить с такими результатами демократического волеизъявления. В начале они использовали практику снятия с выборов неугодных популярных кандидатов в губернаторы с помощью судебных решений (так был снят с выборов в Курской области А. Руцкой) или иными приемами (своевольный губернатор Приморского края Е. Наздратенко был переведен в Москву на министерскую должность, а через некоторое время от нее освобожден и исчез с властной арены). Но, победив на президентских выборах 2004 г., Путин решил разрубить гордые узел губернаторского суверенитета одним ударом. Был принят закон, заменивший избрание губернаторов народным волеизъявлением назначением их Президентом России с одобрения местных законодательных собраний. После этого ни один представитель оппозиции уже не смог занять губернаторского кресла, а законодательные собрания покорно одобряли президентские кандидатуры.

Сторонники президента очень часто объясняли эту реформу тем, что избрание губернаторов рядовым электоратом нередко сопровождалось подкупом избирателей местными олигархами, в результате к власти приходили коррумпированные политики. Мне представляются более весомыми объяснения критиков. Реформа была направлена на то, чтобы нейтрализовать политическую оппозицию в регионах. Нельзя не согласиться со сторонниками президента в том, что преобразования института губернаторства привели к уменьшению регионального авторитаризма. Но оборотной стороной стало усиление авторитарных возможностей главы российского государства и серьезное ущемление демократических возможностей рядовых избирателей. Кроме того, произошло резкое ослабление федеральных начал российской государственности, провозглашенных в качестве одного из ее краеугольных камней в федеральной Конституции.

Вторая сквозная линия политических реформ Путина заключалась в партийном строительстве, которое должно было обеспечить партийную конфигурацию, контролируемую и управляемую Кремлем. Подобная стратегия обозначилась еще при Ельцине, тяготевшегося чрезмерным влиянием коммунистической и социально-либеральной (партия Яблоко) оппозиции в Государственной думе. В 1995 г. ельцинский политический стратег С. Шахрай активно продвигал идею проправительственной двухпартийной системы, при этом одна из партий должна была стать левым, а вторая – правым крылом государства [Согрин, 2001, с. 179–180]. Но на практике эту идею воплотить не удалось.

При Путине партийное строительство, отвечавшее интересам Кремля, осуществлялось гораздо более целенаправленно и эффективно. В 2001 г. был принят первый закон о партиях, направленный на ограничение их числа (для партий устанавливалась минимальная численность не менее 10 тыс. человек, вводилось обязательное количе-

ство территориальных сетей). Закон усилил контрольные функции государства на выборах и поспособствовал росту влияния Единой России. Но нужного для Кремля снижения уровня партийной конкуренции достигнуто не было. Поэтому в 2004 г. был принят новый, гораздо более "драконовский" закон о партиях, который поднял их минимальную численность до 50 тыс. человек. (Оппоненты закона указали на его противоречие Конституции РФ, провозгласившей свободу создания политических партий без регламентации их численности.) Тогда же была введена пропорциональная система выборов в Государственную думу по партийным спискам вместо прежней смешанной системы, а порог прохождения в высший законодательный орган был поднят для партий до 7%. Теперь на политической арене могли сохраниться, а тем более рассчитывать на прохождение в законодательную власть, только партии, располагающие мощной финансовой поддержкой, имеющие доступ к СМИ, прежде всего – электронным и широкие региональные сети.

В результате принятия этого закона количество политических партий в России сократилось в четыре раза, а из одиннадцати партий, участвовавших в думских выборах 2007 г., семипроцентный барьер смогли преодолеть только четыре. Среди них оппозиционной можно признать только левую КПРФ, а с либерально-демократической оппозицией было покончено. Практика обнаружила демагогический характер пропагандистских построений "кремлевской школы" политологии, один из представителей которой – Никонов – накануне выборов утверждал: "Пропорциональная система выборов ставит в невыгодное положение прежде всего именно Единую Россию, так как в итоге она получит меньше голосов, чем прежде" (Российская газета, 4 сентября 2007). На самом деле Единая Россия в декабре 2007 г. получила 64,3% голосов против 37,5% в декабре 2003 г. Ее фракция в Государственной думе достигла рекордной численности – 315 человек и, располагая более чем двумя третями голосов, стала подлинной партийно-политической монополией законодательной власти.

После 2004 г. новые партии "снизу" перестали создаваться вообще, зато "сверху" самим Кремлем были созданы две шумные "карманные" партии – левоцентристская Справедливая Россия и правоцентристская Гражданская сила. На выборах 2007 г. в Государственную думу прошла Справедливая Россия, которая объявила себя оппозиционной по отношению к Единой России, хотя во главе обеих партий оказались политические соратники Путина, и обе они твердо декларировали приверженность политической линии президента.

Неотъемлемой чертой политической стратегии Кремля в 2000-е гг. стало активное вмешательство государственной власти в ход выборов на стороне угодных партий и кандидатов. Профессиональные политологи практически единодушно отмечали нарастание следующих нарушений равенства политической конкуренции: 1) одностороннее освещение избирательных кампаний в СМИ, в первую очередь в электронных; 2) пристрастное рассмотрение избирательными комиссиями заявительных документов оппозиционных кандидатов и, как результат, отказ им в регистрации; 3) использование административного ресурса в целях давления на избирателей, препятствование кампаниям оппозиционных кандидатов и поддержка партии власти; 4) пристрастное рассмотрение споров между участниками выборов в пользу правительственных партий или кандидатов [Третий... 2007, с. 7–37]. К концу президентства Путина посредством названных выше реформ и стратегий был полностью "зачищен" либерально-демократический оппозиционный фланг, а на левом фланге оставлена одна КПРФ, позиция которой в сравнении с ельцинским периодом резко ослабла, а ее поведение все больше становилось политически инфантильным.

Уже на начальном этапе президентской деятельности Путина широко проявилась одна из устойчивых тенденций осуществляемой им реорганизации власти – заполнение важных должностей бывшими или действующими представителями силовых структур. Если в ельцинский период лица с военным образованием составляли во властных структурах 6,7%, то при Путине уже в 2002 г. этот процент, согласно данным сектора изучения элиты Института социологии РАН, достиг 26,6, а в высшем руковод-

стве страны – 58,3% [Крыштановская, 2002, с. 161–162]. К концу президентства Путина доля военных во властных структурах выросла до 31,5%, а в высшем руководстве – до 66,7% [Крыштановская, 2008, с. 9]. Руководитель исследования отмечала, что выявленная тенденция укрепляет авторитаризм, ибо "сама военная среда является авторитарной, демократический стиль управления здесь неприемлем" [Крыштановская, 2003].

В момент прихода к власти Путин объявил одним из политических приоритетов отстранение от политической власти олигархов. Было начато уголовное преследование некоторых из них. В. Гусинскому, Б. Березовскому, М. Ходорковскому и ряду других были инкриминированы многочисленные преступления. Из трех самых известных обвиняемых двоим – Гусинскому и Березовскому – удалось выехать за границу, а третий, Ходорковский, был осужден на длительный срок. Обвинения, выдвинутые против бизнесменов, касались преимущественно незаконного присвоения собственности и выглядели весьма внушительно, но, как отметили многие аналитики, точно такие же обвинения могли быть предъявлены практически всем крупным российским бизнесменам эпохи первоначального накопления капитала. Виновниками "дикой" приватизации, сделавшей их олигархами, были не только сами предприимчивые и беспринципные нувориши, но не в меньшей, если не в большей мере, коррумпированная власть, которая за соответствующие взятки вступала в любой сговор по противозаконной приватизации государственной собственности.

Многие аналитики сделали обоснованный вывод, что избирательное преследование нескольких крупных бизнесменов имело в действительности политический характер, было направлено против тех, кто пытались организовать политическую оппозицию российскому президенту и его режиму. Также стало известно, что преследования неугодных олигархов имели следствием перераспределение собственности в пользу сторонников режима. Бизнесмены, вначале выразившие недовольство действиями власти, были затем "взяты на испуг" и заняли в отношении режима верноподданническую позицию. От антиолигархической кампании выиграла сама власть и приближенные к ней, количество миллиардеров в России (как было отмечено ранее) не только не уменьшилось, но продолжало увеличиваться; пропасть между богатой верхушкой общества, которую пополнили новые "слуги народа", и самим народом продолжала углубляться.

В итоге эволюции общественно-политической системы в период президентства Путина сложился государственно-бюрократический капитализм, пришедший на смену номенклатурно-олигархическому капитализму ельцинской эпохи. Высшая бюрократия вытеснила с властной позиции олигархов, а во главе системы остался глава государства, власть которого стала еще более авторитарной. Правление Путина нанесло сокрушительный удар по излюбленной схеме молодой российской политологии, представители которой, заимствовав у западных ученых концепцию "демократического транзита", длительное время подгоняли под нее российский политический процесс и критиковали российских президентов за отклонения от "научной нормы". Но уже деятельность Ельцина, а в еще в большей мере реформы Путина обнаружили, что российский нормой являются именно эти отклонения.

В российской общественно-политической и научной мысли по-прежнему актуален вопрос, в какой степени закономерен такой итог, существовала ли альтернатива ему? Одно из последних суждений о существовании реальной альтернативы авторитаризму содержится в статье политолога Г. Голосова: "...авторитаризм отнюдь не был неизбежным следствием политики, направленной на восстановление государственного единства. Напротив, авторитарный выбор был сделан в условиях, когда основные элементы демократического подхода к решению проблемы были налицо не только в теории, но и в некоторых практических действиях правящей группы. О полномасштабной авторитарной реакции можно говорить лишь с осени 2004 г., когда были отменены прямые губернаторские выборы" [Голосов, 2008, с. 22].

Подобное суждение, по моим представлениям, характерно все же для меньшинства профессионального сообщества. Большинство придерживаются того мнения, что российский транзит от либерально-демократической бархатной революции 1989–1991 гг.

к авторитарно-бюрократическому режиму 2000-х гг. был обусловлен глубинными причинами, альтернативы в российской реальности ему не существовало. Среди глубинных причин в качестве главных можно, на мой взгляд, назвать две.

Первая заключается в таком соотношении общественно-политических сил к началу 2000-х гг., которое не оставляло либерально-демократической модернизации шансов на реанимацию и продолжение. Для этого, как отмечает Л. Шевцова, "нужно было, как минимум, следующее: давление общества с требованиями системных реформ, готовность к трансформации по крайней мере части политического и экономического класса, наличие влиятельной либерально-демократической оппозиции, которая могла бы предложить концепцию и обоснование радикальных реформ. Были ли эти предпосылки в наличии? Ответ однозначен: таких предпосылок не было" [Шевцова, 2004, с. 50]. Вторая главная причина заключается в цивилизационных особенностях России, ее властечцентричной сути [Пивоваров, 2006, с. 178–194], недемократической органике ее политической культуры [Баталов, 2002], которые уже не однажды наносили удары по либерально-демократическим трансформациям, воспроизводили себя и торжествовали в самых разнообразных исторических условиях и ситуациях.

Из этих двух причин на первое место я, возможно, как историк, поставил бы вторую, но обе они фундаментальны и тесно связаны. Цивилизационная причина окрашена в драматические, если не трагические (по крайней мере для тех, кто хочет, чтобы Россия развивалась как европейская цивилизация) цвета. Действительно, все либерально-демократические российские трансформации – и александровские реформы 1860-х гг., и либеральные нововведения 1905–1907 гг., и Февральская революция 1917 г., и либерально-демократическая бархатная революция 1989–1991 гг. – порождали в российском обществе надежды на превращение личности и народа в главные субъекты и ценности российского общества, на то, что жесткий, но абсолютно верный приговор В. Ключевского всему ходу российской истории – "Государство пухло, а народ хирел" – утратит свое значение. Надежды наших современников пестовались необычным всплеском демократической активности народа во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг., расцветом антитоталитарной и антиавторитарной многопартийности, крахом коммунистического путча и триумфом демократии в августе 1991 г., клятвенных обещаниях демократических избранников народа во главе с Ельциным превратить Россию в страну европейского уровня жизни и европейских ценностей.

Но уже через десять лет все это как ветром сдуло, а еще через десять лет партия Единая Россия торжественно провозгласила, что Россия будет развиваться по "Плану Путина" как "уникальная цивилизация" и что партия "придает первостепенное значение укреплению российской государственности" [Предвыборная.... 2008]. Российская история в который раз вернулась на "круги своя". Патриархально-подданические архетипы российской политической культуры поразительно легко подавили демократические всполохи второй половины 1980 – начала 1990-х гг. Тех бурных пяти–семи лет оказалось явно недостаточно для радикальных перемен в народной ментальности; вера в приоритет личности и общества, подчиненность им государства не стали главной национальной идеей, ее место вновь заняла вера в спасительные свойства вождя-государственника. Только ею можно объяснить современный российский парадокс: в преддверии думских выборов 2007 г. в ходе социологического опроса, проведенного ВЦИОМ, 80% россиян заявили, что их мнение никак не влияет на власть (Российская газета, 27 июня 2007), но в ходе выборов, как и на последующих президентских выборах, подавляющее их большинство отдали голоса партии и кандидату, внушившим им это убеждение.

Цивилизационные архетипы российской национальной ментальности и политической культуры, несомненно, влияют на общественно-политические трансформации современной России. Но непосредственное отношение к ним имеют и политики, принявшие на себя лидерство в современной российской модернизации. Первым среди них должен быть назван Ельцин. Он возглавлял либерально-демократическую рево-

люцию 1989–1991 гг., он руководил подавлением коммунистического путча в августе 1991 г., он был вдохновителем либеральных экономических реформ и демократической конституции 1993 г. Он же призван был стать гарантом демократических нововведений. Но его практическая деятельность все больше обростала термидорианскими тенденциями. Президентское правление Ельцина немало поспособствовало оформлению в экономике олигархических кланов, сосредоточению антиконституционных политических привилегий в руках "семьи", включавшей представителей тех же олигархических кланов. Пренебрежение законностью и моралью, характерное для политического стиля Ельцина, имело прямое отношение к финансовым авантюрам и махинациям правительства, что в серьезной степени разрушало и подтачивало результаты модернизации. В годы его президентства вместо обещанного народного демократического капитализма был создан капитализм чиновничье-олигархический. На его вершине одно из центральных мест принадлежало самому Ельцину, ставшему авторитарным главой системы. На нем лежит огромная доля ответственности за перерождение российского демократического транзита.

Уже в ельцинский период выявилась зыбкость российской модернизации из-за слабости либерально-демократической оппозиции. Российская общественность, проявившая столько энергии и страсти в сокрушении коммунистического строя, обнаружила неспособность противостоять неприемлемым для нее явлениям нового общества – авторитаризму и олигархии. В 1989–1991 гг. она была даже неспособна предвидеть эти опасности. Термидор, авторитаризм, олигархия застали ее врасплох. Новая Россия не смогла ответить на эти явления адекватным развитием гражданского общества, оформлением и поддержанием массового демократического движения, разносторонними институтами и механизмами защиты интересов большинства. На либерально-демократическом фланге с оппозицией к ельцинскому режиму выступали такие партии, как Демократический выбор России и Яблоко. Но Демократический выбор России во главе с Е. Гайдаром в глазах россиян был сам связан с олигархическим капиталом, поэтому партия не нашла сколько-нибудь широкой поддержки и еще на выборах 1995 г. потерпела сокрушительную неудачу, а четыре года спустя вместе с другими праволиберальными группками влилась в Союз правых сил (СПС). Лидеры новой партии (Е. Гайдар, А. Чубайс и Б. Немцов) также идентифицировались россиянами с олигархическим капиталом, и по этой причине СПС не могла добиться прочного успеха. Реальным либерально-демократическим оппонентом ельцинскому режиму выступала только одна партия – Яблоко во главе с Г. Явлинским. Она входила в число ведущих российских партий и неизменно добивалась хороших результатов на национальных выборах ельцинского периода. Но ее социальная база оставалась узкой, руководство партии не смогло добиться успеха на региональных выборах, партия не имела ни одного губернатора или даже мэра и не смогла проявить свою практическую способность политического управления. В целом она не сумела пустить сколько-нибудь прочных корней на российской почве, и ее оппозиция к режиму свелась к парламентской риторике.

Перипетии российской модернизации 1990-х гг. нанесли сокрушительный удар по идеалам либерализма и демократии в России: многие россияне не только возложили вину за утверждение олигархического капитализма на "переродившихся" демократов, но отвергли сами идеалы либерализма и демократии. Разочарование в этих ценностях сопровождалось возрождением в массовой ментальности традиционалистских ценностей, что стало серьезным препятствием для дальнейшей модернизации и демократизации России. В таком состоянии застал Россию в момент прихода к власти Путин. Выходец из силовых структур он предложил тот вариант экономической и социально-политической стабилизации, который соответствовал его собственной ментальности и отвечал запросам огромной массы россиян. Этот вариант был реализован, а его цена – продолжившийся отказ России от либерально-демократических ценностей – не устраивает лишь небольшую часть общества.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авраамова Е.М. Средний класс эпохи Путина // *Общественные науки и современность*. 2008. № 1.
- Балзер Х. Управляемый плюрализм: формирующийся режим В. Путина // *Общественные науки и современность*. 2004. № 2.
- Баталов Э. Политическая культура России сквозь призму *civic culture* // *Pro et Contra*. 2002. № 2. Второй электоральный цикл в России. 1999–2000 гг. М., 2002.
- Галкин А. Социальная структура современной России. М., 2004.
- Голосов Г. Электоральный авторитаризм в России // *Pro et Contra*. 2008. № 1.
- Гонтмахер Е.Ш. Национальные проекты: первые итоги реализации // *SPERO*. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2008. № 8.
- Грызлов Б. Путин остается лидером // *Российская газета*. 2007. 17 октября.
- Зорькин В. Стандарт справедливости // *Российская газета*. 2007. 8 июня.
- Зудин А.Ю. Режим В. Путина: контуры новой политической системы // *Общественные науки и современность*. 2003. № 2.
- Клямкин И., Кутковец Т. Кремлевская школа политологии. Как нас учат любить Родину. М., 2006.
- Краснов М.А. Персоналистский режим в России. Опыт институционального анализа. М., 2006.
- Крыштановская О. Люди Путина // *Ведомости*. 2003. 30 июня.
- Крыштановская О. Режим Путина: либеральная меритократия? // *Pro et contra*. 2002. № 4.
- Крыштановская О. Back to the USSR // *Новое время*. 2008. № 16.
- Медведев Р. Владимир Путин: второй срок. М., 2006.
- Медведев Р. Владимир Путин: четыре года в Кремле. М., 2005.
- Меньшиков С. Анатомия российского капитализма. М., 2004.
- Мигранян А. Концепция суверенной демократии шагнула за границу России // *Российская газета*. 2007. 12 октября.
- Немцов Б., Милов В. Путин. Итоги. М., 2008.
- Никонов В. Стратегия Путина // *Российская газета*. 2004. 22 декабря.
- Первый электоральный цикл в России. 1993–1996 гг. М., 2000.
- Пивоваров Ю.С. Русская политическая традиция и современность. М., 2006.
- Политическая программа кандидата в президенты России В.В. Жириновского // *Российская газета*. 2008. 5 февраля.
- Политические процессы в регионах России. М., 1998.
- Предвыборная программа Всероссийской политической партии “Единая Россия” // *Российская газета*. 2008. 2 февраля.
- Россия в цифрах 2006. Краткий статистический сборник. М., 2006.
- Россия регионов: трансформация политических режимов. М., 2000.
- Рывкина Р.В. Эгалитаризм массового сознания населения России как показатель конфликтности общества // *Общественные науки и современность*. 2006. № 5.
- Симонян Р.Х. Средний класс в современной России // *Общественные науки и современность*. 2008. № 1.
- Согрин В.В. Политическая история современной России. М., 2001.
- Согрин В.В. Три превращения современной России // *Отечественная история*. 2005. № 3.
- Третий электоральный цикл в России. 2003–2004. СПб., 2007.
- Третьяков В. Диагноз: управляемая демократия // *Независимая газета*. 2000. 13 января.
- Третьяков В. Императивы Путина. Управляемая демократия и неуправляемый авторитаризм // *Литературная газета*. 2003. 5–11 ноября.
- Ханин Г. Три периода постсоветской экономики России: разрушение, восстановление, со-зидание // *Мировая экономика и международные отношения*. 2007. № 10.
- Хейл Г. Президентский режим, революция и демократия // *Pro et Contra*. 2008. № 1.
- Шевцова Л. Как Россия не справилась с демократией: логика политического отката // *Pro et contra*. 2004. № 3.
- Ясин Е.Г. Структура российской экономики и структурная политика. Вызовы глобализации и модернизация. М., 2008.